Александр Снегирёв

В Баку

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Летом 1988 года Валя Н. сопровождала группу иностранных студентов в поездке по Азербайджану. Валя Н. и моя мама были большими подругами. Валя Н. предложила моим родителям отправиться в это путешествие в составе группы. Время было бедное, путевки являлись дефицитом, и такой возможностью грех было не воспользоваться. Родители согласились и прихватили меня…»

- Александр Снегирев
  - ○

Александр Снегирев
В Баку

Летом 1988 года Валя Н. сопровождала группу иностранных студентов в поездке по Азербайджану. Валя Н. и моя мама были большими подругами. Валя Н. предложила моим родителям отправиться в это путешествие в составе группы. Время было бедное, путевки являлись дефицитом, и такой возможностью грех было не воспользоваться. Родители согласились и прихватили меня.

В Азербайджане мы видели много интересных вещей: Девичью башню в Баку с отметками, где раньше был уровень воды, качающие нефть машины с переваливающейся перекладиной, похожей на полоток. Мы ехали девять часов по пустыне и срывали плоды гранатового дерева прямо у дороги. В рыбоводческом колхозе нам показали пруды с бетонными берегами, кишащие форелью, а одна рыба даже цапнула за палец служителя, который кидал ей корм. На пальце выступила кровь, все ахнули, а служитель радостно улыбался. Мы видели нашего экскурсовода, волосатого толстяка, который рано утром купался в бассейне голым. Мы видели пятки латиноамериканского студента с сине-зелеными точками – он валялся в постели с однокурсницей, сказавшись больным, а Валя Н. строго тащила их на очередную экскурсию.

Я помню, как в гостинице «Апшерон» отключили воду, и по всем этажам тотчас распространилась жуткая вонь. Помню, как на торжественном приеме в ресторане «Гелюстан» я перепутал щедро украшенный кусок мясного паштета с тортом, сунул в рот и, не почувствовав сладкого вкуса, ужасно застеснялся, будто все вокруг в этот момент только и думали о том, что я перепутал паштет с тортом. Помню, как в другом ресторане, в горах, я стукнулся лбом о стеклянную стену – я ее не заметил, – и очень сконфузился от того, что раздался звон, подобный колокольному, и что красивая студентка из Гватемалы, к которой я испытывал тайную симпатию, бросилась меня жалеть. Помню, в той поездке папа прочел мне вслух всю «Капитанскую дочку». Помню торжественное возложение венков к памятнику двадцати шести бакинским комиссарам. Я шел рядом со взрослыми, старательно замедляя шаг, и представлял себя выжившим в боях героем, который пришел помянуть погибших товарищей. Был еще храм огнепоклонников с черными дырками потухших «вечных» огней, и темные приморские вечера с катанием на простеньких каруселях,

и чайхана со стаканчиками, формой повторяющими узкие талии и широкие бедра танцовщиц, и базар, не уступающий многим музеям, с залами зелени и овощей, галереями специй, чертогами куриных тел и бараньих ребер. Однако рассказ мой не об этом.

Во время очередной прогулки по городу я захотел пи́сать. На счастье, неподалеку оказался железобетонный общественный туалет, очень похожий на фашистские оборонительные дзоты, какие я видел в Нормандии спустя много лет. Тогда, в Баку, я еще не знал об этой зловещей параллели и послушался маму, которая подвела меня к «дзоту» с той стороны, где над входным проемом проглядывался мужской опознавательный знак. Мама подпихнула меня, и я с яркого каспийского солнца нырнул в кромешную тьму.

Когда мои глаза, первоклассника московской спецшколы с углубленным изучением французского языка, привыкли к темноте, я различил следующее. Плесень и нечистоты делали помещение, в котором я оказался, весьма живописным. Вдоль стен зияли пробитые в полу дыры. Они походили на дыры в храме огнепоклонников, только крупнее. Края дыр украшали какашки разной давности, судя по степени их разложения. Отдельные какашки в беспорядке были разбросаны по полу. Над большею частью дыр на корточках кавказским полукругом сидели молчаливые усачи с мрачными лицами в пиджаках и кепках диметром с канализационный люк. В Баку повсюду можно было наблюдать таких усачей, сидящих на корточках. Только они обычно имели на себе брюки. У этих же брюки были спущены. Некоторые курили.

Справа, на уровне моего розового ушка, из крана капнула вода. Из умывальника с жужжанием поднялось несколько жирных мух. Я нерешительно потоптался и нервно вытер вспотевшие ладошки о новенькие голубые штаны-бананы. Штаны мне сшила молодая модница Вера И., дочка другой маминой подруги. Усачи повернули недружелюбные носы в мою сторону, этот джентльменский клуб явно не хотел меня принимать. Сглотнув, я попятился и вышел на свет и сказал маме, что все прошло благополучно.

Спустя многие годы я с нежностью вспоминаю то детское путешествие. Когда заходит речь об Азербайджане, я рассказываю о форели в забетонированном пруду, о Девичьей башне, о пустыне, ресторане «Гелюстан» и о «Капитанской дочке».

Валя Н. умерла несколькими годами позже от рака, хотя поговаривали, что от СПИДа. Жажда любви, которой она была лишена на родине, вылилась в многочисленные связи в заграничных поездках, ставших тогда доступными.

Модница Вера И., сшившая мне штаны-бананы, погибла в

автокатастрофе, впервые сев за руль нового автомобиля. А штаны-бананы отдали носить какому-то другому мальчику, когда я из них вырос.